

18+

Я подожду тебя

→ Татьяна Васильевна ←

Татьяна Васильевна

Я подожду тебя

«Издательские решения»

Васильевна Т.

Я подожду тебя / Т. Васильевна — «Издательские решения»,

Ольга живёт размеренной жизнью, пока не начинает видеть одинаковые с Давидом сны. Сновидения становятся более реальными, проникают в действительность, руша границу между мирами. Связь, возникшая во сне, перерастает в реальность и меняет их судьбы. Это психологическая драма с элементами мистики о любви, возникающей на границе двух миров. О однажды принятых решениях, запустивших цепь последствий, необратимо меняющих судьбы. О страсти, вине, зависимости, выборе и цене, которую придётся заплатить.

© Васильевна Т.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Нервозность ожидания ответа	7
Глава 2. Безупречная дистанция	10
Глава 3. Невысказанное	12
Глава 4. Keep It Simple	14
Глава 5. Оленька	20
Глава 6. Удалить	26
Глава 7. Ты снилась мне	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Я подожду тебя

Татьяна Васильевна

Корректор Диана Леонидовна Литвинович

© Татьяна Васильевна, 2026

ISBN 978-5-0070-3327-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она думала, что это просто ошибка. Он — что это судьба. Ольга живёт спокойной, правильной жизнью, пока встреча с Давидом не разрушает границу между реальностью и чувством, слишком похожим на сон. Их связь становится всё сильнее, но любовь, пришедшая слишком поздно, превращается не в спасение, а в испытание. «Я подожду тебя» — психологическая драма о страсти, вине, зависимости и выборе между чувствами и жизнью, которую уже невозможно изменить без последствий.

Это история людей, которые встретились не ради любви, а ради пробуждения себя. История о том, как чувства и страсти могут разрушить привычный порядок, заставить искать близость и бороться — между страхом потерять контроль и подчинением эмоциям, между долгом и личным желанием.

Иногда кажется, что жизнь рассыпается на мелкие сцены, как кристаллы света в призме. Каждое мгновение — случайность или закономерность, и никто не знает, какая из ветвей реальности станет главной.

Эта книга — о тех пересечениях, о том, как легко рушатся судьбы в погоне за фантазиями и снами. О том, что случайная встреча иногда оказывается не началом, а точкой невозврата, после которой прежняя жизнь уже не существует в прежнем виде. О выборе, который невозможно отменить, и о цене, которую приходится платить не сразу, а постепенно — шаг за шагом, теряя опору, пока однажды не остаётся только тишина внутри сделанного решения.

Глава 1. Нервозность ожидания ответа

12 апреля поздний вечер

Он сидел на краю дивана, сжимая телефон так крепко, что костяшки побелели. Сердце билось в такт секундной стрелке настенных часов, заполняя комнату напряженным эхом. Он уже десятый раз подряд перечитывал последнее сообщение, выискивая в нём намеки на возможную ошибку, на слово, что могло её ранить или оттолкнуть. Ответа не было. Четыре часа. Четыре бесконечных, мучительных часа.

Может, он был слишком откровенен? Или, наоборот, слишком сдержан? А вдруг его слова показались ей грубыми? Или глупыми? Чёрт, а если она вообще не прочла? Эта проклятая функция скрытия прочитанных сообщений! Он вспоминал каждую деталь их последнего разговора, каждую эмоцию в её голосе, каждый знак препинания в её письме.

Что, если она забыла о нём? Или передумала? Или... её муж увидел сообщение, и теперь у них ссора? Он чувствовал, как подступает паника. А вдруг с ней что-то случилось? Эта мысль кольнула особенно больно. Может, ей нужна помощь? Может, он должен позвонить?

Пальцы дрогнули, почти нажали на кнопку вызова, но он замер. А если она просто занята? Если не хочет, чтобы её беспокоили? Он представил её взгляд — раздражённый, усталый... или, что хуже, равнодушный.

Он опустил телефон на колени, запрокинул голову и закрыл глаза. В голове вихрем носились вопросы, но один тёмной тенью выделялся среди них: а если она больше не напишет?

Давид провёл пальцами по экрану, снова и снова перечитывая последнее сообщение. Его мысли сжимались в плотный клубок тревоги. Он хотел просто дождаться ответа, но его разум, как натренированный палач, не позволял ему бездействовать.

Он вспоминал прошлые ошибки, словно надеялся вычитать в них закономерность. «Я сказал что-то не так?» — спрашивал он себя. «А если она теперь избегает меня?» Он представлял, как она смотрит на экран, видит его сообщение... и решает не отвечать.

Но стоп. Разве не так было всегда? Каждый раз, когда он чего-то не знал, его сознание пыталось заполнить пробелы. В отсутствие фактов воображение подкидывало худшие варианты. И чем больше он погружался в этот процесс, тем глубже увязал.

Телефон тихо лежал в его руке, но теперь он чувствовал, как сильно устал. Этот круг тревоги, этот бесконечный анализ... Он вдруг понял, насколько всё это бесполезно. Как часто он проигрывал в голове худшие сценарии, которые в итоге не сбывались?

Он выдохнул сильно и долго и положил телефон на стол. А если ответ так и не придёт? Если в этой тишине есть смысл, который он пока не может понять? Может, ему не нужно искать ответы, а просто позволить жизни идти своим чередом?

Он встал, подошёл к окну. Ночь была тиха и бесконечна. Где-то там был её мир — живой, непредсказуемый, свободный. Может, пришло время и ему стать таким же?

Давид закрыл глаза и сделал три глубоких вдоха. Воздух наполнил его лёгкие, он задержал дыхание на несколько секунд, а затем медленно выдохнул, словно пытаясь выпустить вместе с воздухом все тревожные мысли. Повторил снова. И ещё раз.

Он никогда не увлекался медитацией, не понимал этих разговоров о «заземлении» и «внутреннем равновесии», но сейчас, в эту глухую ночь, он чувствовал, что должен хотя бы попробовать. Не ради каких-то великих духовных озарений, а просто чтобы не сойти с ума от собственных мыслей.

Он смотрел в окно двенадцатого этажа. Город спал. Внизу за окном мерцали редкие фонари, где-то вдалеке проезжала одинокая машина, её фары на мгновение скользнули по стенам домов. Всё вокруг было спокойно — только внутри него бушевал шторм. Но с каждым

медленным вдохом его мысли переставали метаться, как беспокойные птицы, пойманные в клетку.

Когда он наконец почувствовал, что тревога отступает, он перевёл взгляд на часы. 2:04 ночи. Он бродил по комнате несколько часов и совсем потерял счет времени. Странно. Вроде бы только недавно он сидел на диване, сжимая телефон, а теперь время растянулось, растворилось в тишине.

Он зевнул. Усталость накатила неожиданно, будто тело вдруг вспомнило, что оно тоже имеет право на отдых. Давид прошёл в спальню, с выдохом рухнул на кровать и, не успев даже укрыться одеялом, начал погружаться в сон.

А телефон, забытый на тумбочке около дивана, всё так же молчал.

И вдруг, сквозь сон он увидел в дверях спальни Ольгу.

Она стояла перед ним — Ольга. Волосы чуть влажные от весеннего дождя, кожа светится мягким светом от торшера, как фарфор, который вот-вот треснет от жара. Не нужно было слов и объяснений — она здесь, и это говорит само за себя. Он не знал, кто кого коснулся первым. Вокруг всё слилось — взгляд, вздох, биение сердца. Пространство вокруг поддалось, как тёплый воск, сгибаясь, истекая, замирая в пьяном тумане.

Он провёл пальцами по её ключице, нежной и точёной, как линия на древнем мраморе. Её плечи были обнажены, тонкие бретели платья сползли, уступая желаниям, которые большие невозможно было прятать.

Он притянул её к себе. Тела соприкоснулись — его кожа горячая, её — прохладная и гладкая. Их дыхание смешалось, как водоворот. Её шея вытянулась под его губами, и он жадно вдыхал запах её кожи — чуть терпкий, чуть сладкий, такой реальный, что хотелось укунить, чтобы не исчезла.

Поцелуи были медленными, глубокими, как если бы они не виделись века. Его руки скользили по её спине, сжимая её ближе, сильнее. Она обвила его шею, и на секунду казалось, что весь мир вращается только вокруг их соединения. Как будто гравитация изменила правила.

Они упали на постель — не помня, как. Их тела сплетались, словно пластилин, как единое существо, созданное из вождления и боли, из долгого ожидания и немого «наконец-то». Его широкие скулы застыли в тени, когда он смотрел на неё сверху, задержав дыхание, как будто боялся, что сон может закончиться, если вдохнуть.

— Давид... — выдохнула она, и голос её звучал, как музыка, которой он не знал, что так жаждет. Он целовал её в губы, в щёку, в шею, в изгиб живота. Его ладони скользили по её талии, по бёдрам, по коленям, по внутренней стороне бедра — изучая, запоминая, как слепой, впервые увидевший свет.

Она стонала, тихо, как будто кто-то мог услышать, и одновременно — будто ей всё равно. Она двигалась под ним, следуя его ритму, принимая его, растворяясь в нём. И в этом слиянии — не было ни вины, ни страха, ни стыда, ни сожаления. Только жар. Только желание. Только страсть, которой в их обычной реальности быть не могло.

Он был внутри неё, глубоко, плавно, с нарастающим безумием, и каждое движение отзывалось в них эхом. Они качались в одном дыхании, в одной ноте, будто давно знали, как надо, и просто вспомнили.

Когда всё закончилось — не было слов. Только её пальцы, запутавшиеся в его волосах. Только его губы, всё ещё прижатые к её плечу. Только биение двух сердец, замерших рядом.

А потом — темнота. И ночь. И тишина. И кровать, в которой он проснулся один.

Это был сон? Боже, как реально это всегда происходит. И каждый раз привкус её губ на его губах и запах «Chanel» на его подушке. В голове все перемешалось, он опять вспомнил о своих вчерашних волнениях и пошел проверить телефон.

Пришёл ответ. Он был простым и безобидным: «Прости, я заснула»

Он почти слышал эти слова. Сценарии катастроф сменялись осознанием, что, возможно, он сам создаёт эти призрачные угрозы. Но что, если на этот раз всё иначе? Ведь она так и не ответила на его вопрос. А ещё этот сон, все эти сны...

Давид сделал глубокий вдох. Он осознал, что его разум устроен так — заполнять пустоту тревожными догадками и допущениями, искать порядок в хаосе неизвестности. Но стоило ли отдавать ему полную власть?

Телефон остался в его руках. Но теперь он смотрел не на экран, а в окно. Там, за стеклом, серое небо было спокойно и безмятежно. Возможно, ответ придёт, когда он меньше всего его ждёт. Возможно, он уже знает его. Но что, если она не ответит вовсе?

Глава 2. Безупречная дистанция

13 апреля

Москва-Сити встречала его холодным блеском стеклянных фасадов и зеркальным отражением безупречного утреннего неба. Давид вошёл в небоскрёб, привычным жестом кивнул охраннику, пересёк мраморный холл и направился к лифту. Финальная встреча с инвесторами — обычное дело, но в этот раз он чувствовал какое-то необъяснимое напряжение.

Двери лифта мягко закрылись, он прислонился к стене, наблюдая, как цифры этажей сменяются одна за другой. Вчерашняя ночь оставила странное послевкусие. Он так и не понял, почему Ольга, девушка, с которой у него никогда не было ничего серьёзного, вдруг оказалась в центре его мыслей. Ведь вокруг него всегда были женщины — красивые, уверенные, желающие его внимания. Но никто из них не заставлял его проверять телефон каждые пять минут.

Двери лифта разъехались и он шагнул в просторный коридор. Вид из окон переговорной поражал: под ногами расстился весь город, Москва утопала в утреннем солнце, высотки отбрасывали длинные тени, а автомобили на дорогах казались крошечными, как игрушечные. Это был тот вид, который внушал уверенность, ощущение власти и силы — именно то, что он привык чувствовать в такие моменты.

Когда он вошёл в зал, все уже были на местах. Инвесторы, его команда, представители юридической фирмы. Ольга сидела прямо напротив него, с идеально ровной осанкой и выражением абсолютного профессионализма. Будто между ними никогда не было ни встреч, ни сообщений, ни ожидания ответа.

Она выглядела безупречно: тёмно-синий деловой костюм подчёркивал её хрупкость и строгость, а волосы были собраны в идеальный пучок. Холодная, сдержанная, сосредоточенная. Ни малейшего намёка на что-то личное. Давид чувствовал, как его раздражает это. Как может она так легко отделяться от эмоций, когда его разум был занят ею последние сутки?

Встреча шла по плану. Доклады, вопросы, обсуждения. Он говорил уверенно, отвечал на вопросы чётко, без лишних слов. Однако, где-то внутри всё ещё горело неясное беспокойство. Почему она даже не взглянула на него? Почему в её глазах не было и намёка на ту теплоту, которая была ещё совсем недавно?

Когда документы были подписаны, все пожали друг другу руки. Ольга убрала папку с контрактами в сумку и коротко кивнула Давиду.

— Отличная работа, — её голос был ровным, профессиональным, без эмоций.

Он смотрел ей в глаза, пытаясь найти в них хоть что-то. Хоть крошечную тень вчерашнего вечера. В его голове пронеслись сцены страсти и он опять уловил легкий аромат «Chanel»... Глядя в её глаза, он видел в них отражение своих и тени сливающихся тел, но там была только безупречная холодность. Он немного вздрогнул, как будто возвращаясь в эту реальность.

— Да, — он сделал паузу. — Отличная.

Она собиралась уйти, но он неожиданно добавил:

— Может, отметим успешную сделку?

Ольга посмотрела на него чуть дольше, чем следовало бы, но затем её губы дрогнули в лёгкой, почти невидимой улыбке.

— Благодарю за приглашение, но у меня сегодня дела, — сказала она негромко, но уверенно, словно именно этот ответ и был ожидаем, словно это норма приличия и на самом деле никто никуда не собирался. Так говорят: «Привет, как дела?» в надежде услышать «Хорошо, спасибо». Но ведь Давид спросил не из вежливости и она знала это, она не могла не знать... Она развернулась и направилась к выходу.

Давид остался стоять, глядя на её удаляющуюся фигуру и слегка покачивающийся силуэт. Впервые за долгое время он почувствовал, что столкнулся с чем-то, чего не мог контролировать. И от этого желание разгадать её только усилилось.

Ольга вернулась к себе в кабинет, села за стол, сердце её колотилось в бешеном темпе, никто не мог бы понять каких усилий ей стоит сохранение внешнего спокойствия и хладнокровия. «Надо меньше пить кофе и принять успокоительные» — подумала она.

Но в голове проносились воспоминания... такие явные и почти реальные сны... этот жар сегодняшней ночи, заливающий тело волной. После пробуждения несколько мгновений не могла понять, где находится. В темноте различались очертания спальни — всё было на месте, и всё казалось чужим.

Тело ещё хранило следы сна, почти осязаемые. Как будто реальность — это не вот эта кровать, не тёплое дыхание мужа рядом, а совсем другое место. Слишком живое, слишком настоящее. Там был Давид.

Она закрыла глаза, пытаясь удержать ощущение — прикосновение его губ, тепло его руки на своей талии. Он смотрел в глаза, не отрываясь, так близко, будто заглядывал в душу. Всё было так ярко, будто они действительно были вместе. Голые тела, переплетённые пальцы, дыхание в унисон.

Она знала — это был сон. Но он был настолько явным, что её пальцы словно продолжали чувствовать тепло его тела, а в воздухе парил его запах...

Она опять прокрутила свое пробуждение и утро в своей голове: вот она осторожно поднялась, стараясь не разбудить мужа, и на цыпочках прошла в ванную. Закрыла дверь, включила тусклый свет. Взгляд в зеркало — и самой себе не верится. Такая же, как всегда. Умытая, холодная, спокойная. Только глаза чуть блестят.

«Что это было? Почему?» — произнесла Ольга сама себе.

Ольга не позволяла себе думать о Давиде. Ни в жизни, ни — тем более — во сне. Он был слишком... слишком опасным. И слишком притягательным.

А в её голове снова вспыхнул фрагмент сна — губы Давида на её плече, он произносит её имя, будто молитву.

Она крепко зажмурилась.

Нет. Так нельзя.

Она встала со стула резким движением и направилась к лифту.

— Ольга, можно Вас на минутку? — окликнул её кто-то

— У меня есть неотложное дело, и я буду признательна, если Вы сможете подождать 15 минут. Спасибо за ваше понимание! — сказала она даже не обернувшись

Она спустилась вниз, она знала, что Давид обязательно будет в кафе напротив, пить двойной эспрессо, празднуя свою маленькую победу — он почти всегда так делал, он сам ей об этом говорил.

Она прождала его там почти 30 минут, потом начала писать ему:

«Я решила принять твоё предложение и хочу...» она стерла все, оплатила свой капучино и пошла обратно в офис.

Глава 3. Невысказанное

13 апреля

В тот день Давид не вернулся в офис, он не мог, не чувствовал в себе силы общаться с кем-то. Он понимал, что только что он подписал весьма солидный контракт и нужно бы взяться за дело, но сегодня он решил положиться на свою команду. Он дал им распоряжения приступить к работе ещё в конференц-зале и хотел быть уверен, что все будет хорошо. Он не знал, что Ольга передумает, он принял её отказ и поехал в спортзал — не потому что хотел тренироваться, а потому что надеялся выбить из себя эту нервную энергию, что накопилась внутри, как слишком крепкий кофе, выпитое натощак. Он переоделся, бросил телефон в шкафчик и вышел в зал, где гудели тяжести и мелькали зеркальные отражения тел в движении. Шум. Движение. Концентрация.

Он делал упражнения автоматически — штанга, жим, гантели, снова штанга. Движение за движением, вдох, выдох, повтор. Всё тело работало, а мысли — нет. Они кружились всё там же. Он вспомнил, как Ольга посмотрела на него: не прямо в глаза, а чуть мимо. Это был не взгляд — это была стена. И она сама — как идеально выстроенное здание, где ни одна деталь не выдается за границы архитектурного плана. И что-то в этом пугало его.

Обычно женщины вокруг него были мягче. Они как будто сразу уступали, сгибались, хотели быть ближе, быть с ним, быть в его поле. С Ольгой всё было иначе — она не шла к нему. Более того — она уходила. И он никак не мог понять, зачем тогда всё это было? Почему позволила себе быть рядом, пусть и чуть-чуть, если потом собиралась отгородиться?

После душа он долго стоял перед зеркалом, смотря на своё отражение. Внешне — всё то же. Чёткие черты, уверенный взгляд, выправка. Но внутри — что-то менялось. Или уже изменилось?

Он вышел на улицу. Был уже вечер, и Москва-сити больше не сверкала дневным солнцем, теперь башни отражали друг друга в тёплых электрических всплесках, рекламе, огнях ресторанов, неоновом дыхании города. Всё было красиво, упорядоченно. Как будто этот город хотел сказать: «Смотри, всё под контролем».

Но Давид чувствовал — не всё.

Он нащупал телефон в кармане. Открыл диалог с Ольгой. Её последнее сообщение было всё тем же: «Прости, я заснула», а в голове звучали её слова: «Благодарю за приглашение, но у меня сегодня дела».

Он медленно набрал:

«Ты ведь тоже это чувствуешь. Просто скажи»

Потом стёр.

Набрал снова:

«Я не умею играть. Если ты играешь — скажи сразу»

Снова стёр.

И в третий раз, уже почти машинально:

«Мне просто интересно, ты жалеешь, что сказала тогда?»

Он посмотрел на экран, на мигающий курсор.

Потом нажал «Отменить» и выключил телефон.

Сегодня он не собирался писать.

Сегодня он просто хотел разобраться, что именно она запустила в нём — и почему.

Он сел в машину, включил музыку — что-то джазовое, почти безмятежное — и поехал по вечернему городу. Светофоры сменялись плавно, машины ехали как по нотам. Он вглядывался в лица прохожих — кто-то смеялся, кто-то шёл, уткнувшись в телефон, кто-то стоял

с кофе, не замечая, что остыл. Всё казалось обыденным — и в то же время будто слегка смещённым. Как в фильме, где главное уже произошло, но зритель ещё не понял, что именно.

В эту ночь Давид уснул позже обычного. Без переживаний и дыхательных практик. Просто лёг в кровать, положив руки за голову, и смотрел в потолок, где еле угадывались световые тени от машин под окнами. Впервые за долгое время он чувствовал себя не героем, а наблюдателем. Не строителем планов — а тем, кого строит внутренняя буря.

Он уснул с мыслью:

«Что-то будет. Обязательно будет.»

И эта мысль — странным образом — успокаивала.

И вновь, почти сквозь сон он увидел её, но на этот раз они были смотрели на мерцающие огоньки Москвы с верхних этажей Москва-Сити, рядом шампанское, Давид пока был в джинсах и рубашке, пиджак уже лежал на диване, он обнимает Ольгу сзади и снимает тонкие бретельки бежевой комбинации, он целует её шею и плечи...

Глава 4. Keep It Simple

12 апреля, ровно год назад

Ольга открыла ноутбук и, мельком глянув на часы, отметила, что у неё есть ещё семь минут, чтобы просмотреть основные пункты договора до начала встречи. Всё шло по графику. Французы придут с небольшим опозданием, проектировщики уже были в переговорной с её помощниками.

Она позволила себе короткий вдох — день обещал быть продуктивным.

Контракт с французским инвестором на проектирование логистического центра казался почти подарком судьбы: и заказчик ей знаком, и проектировщики проверенные. Особо приятно было видеть в списке компанию, которой руководил Давид. Полгода назад они плотно работали над делом о недобросовестном подрядчике, и Ольга до сих пор вспоминала ту историю с холодной четкостью.

Тогда выяснилось, что фундамент был залит бетоном неподходящей марки — ошибка, которая могла обернуться настоящей катастрофой. Разумеется, в проект внесли коррективы и предприняли все необходимые меры для укрепления основания: часть конструкции разобрали, заменили бетон и усилили арматуру, чтобы гарантировать полную надёжность и безопасность здания. Техническая экспертиза, фальсифицированная документация, напряжённые звонки и переговоры — всё это сопровождало её месяцы и вечера. И тогда, в самом начале, она впервые услышала голос Давида. Уверенный, спокойный, точный в деталях, но при этом вежливый и деликатный. Он объяснял сложные инженерные нюансы так, будто говорил с коллегой, а не просто с юристом. Ни малейшего намёка на снисходительность, которую она так часто встречала у технических специалистов.

Они говорили долго. Часто. Он всегда перезванивал в обещанное время, никогда не упускал деталей, не забывал договорённостей. И если иногда позволял себе полу-комплимент вроде «Вы быстрее разбираетесь в технических деталях, чем половина заказчиков», — то всегда сдержанно, по-деловому. Без флирта, без двойных смыслов. Это было почти приятно. И уж точно не вызывало опасений. Она ценила такую ясность.

Поэтому, когда сегодня утром она увидела его имя в списке участников встречи, Ольга подумала: Вот и отлично. Надёжные люди. Всё пройдёт спокойно.

Она вышла из кабинета и направилась к переговорной — проверить, всё ли готово. И увидела его.

Давид стоял у окна, спиной к ней. Высокий, в безупречно сидящем сером костюме. Его силуэт был почти кинематографичным — прямые плечи, ровная посадка головы, лёгкий наклон корпуса вперёд, как у человека, который всегда стремится вперёд. Он обернулся, и Ольга впервые увидела глаза, голос которых уже знал её номер наизусть. Голубые, внимательные, холодные и тёплые одновременно. На миг она растерялась. Он был красив. Без спора. Брюнет с коротко подстриженными волосами, спортивного телосложения — ни грамма лишнего, но и без показной мускулатуры. Мужчина, который не нуждается в доказательствах. Всё в его облике говорило о внутренней дисциплине и контроле.

— Рад, наконец-то встретиться лично, — сказал он, и в его голосе не было никакого подвоха. Просто деловой, немного тёплый тон.

— Взаимно, — ответила она. — Проходите, пожалуйста. Мы почти готовы.

Она жестом указала на переговорную.

— Позвольте... — он протянул ей букет. Белые лилии. Чистые, пахнущие свежестью, нежные до невозможности.

— О... — Ольга сделала полшага назад, но тут же справилась с собой. — Спасибо. Не ожидала.

— Просто подумал, что иногда приятно начинать работу с чего-то хорошего, — ответил он просто.

Она не понимала, откуда он мог знать, что это её любимые цветы. Возможно — совпадение. Возможно — тонкая разведка. А возможно... просто интуиция. И всё же что-то в этом жесте заставило её на миг напрячься.

Это ведь деловая встреча. Международный контракт. Здесь не место цветам.

Она взяла букет, благодарно кивнула и, не задерживаясь, сказала:

— Извините, мне нужно ещё кое-что подготовить. Начнём по графику.

— Конечно. Мы подождём.

Когда она скрылась за дверью, Давид остался в переговорной со своими сотрудниками. Он стоял у стола, положив ладони на спинку стула, и рассматривал оформление интерьера. В глазах — не напряжение, а привычное сосредоточенное спокойствие.

Для него это была обычная встреча. Новый контракт, новое здание, новые сроки. Давид жил такими днями. Он никогда не выключался из работы. Даже отпуск, если он случался, был скорее рабочей командировкой. Он не боялся за команду — напротив, он был уверен в каждом, кто работал с ним. Но внутренне не мог отступить, отпустить, отползти в тень. Его мозг требовал задачи, контроль, стратегию. Ему нужно было чувствовать, что всё держится — не на контроле, а на его внимании. В этом был смысл.

И всё же он поймал себя на мысли, что ждал этой встречи. Что хотел увидеть Ольгу. Не в Zoom, не в почте, не в телефонной трубке. А живую. Он почти не знал её, но слышал. Чувствовал. В её голосе было то, чего не хватало многим — сдержанная сила. Грация, уверенность, умение быть точной и вежливой одновременно. Никакого кокетства. Только уважение к делу. И это было... цепляюще.

Он посмотрел на дверь, за которой она исчезла. И впервые за долгое время почувствовал, что ему стало немного... интересно.

Ольга вернулась в свой кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. На столе лежали аккуратно сложенные документы, флешка с презентацией, записная книжка с пометками. А в руке были белые лилии. Она поставила их на стол, в белую вазу с надписью «Keep it simple», которую она когда-то получила в подарок от подруг. Хрупкие, почти прозрачные цветы, пахнущие весной и чем-то таким личным, что даже сама Ольга вдруг не знала, куда себя деть. Она взглядела в них, как будто пытаясь найти в их молчаливом присутствии ответ — зачем? Почему?

И тут в голове, словно ветром сквозняка, пронеслась странная, непривычная мысль. Мысль, которую она раньше никогда себе не позволяла: а вдруг... Она не договорила внутри себя. Просто а вдруг. Она не воспринимала Давида как мужчину — ни в начале общения, ни позже. Они говорили только по работе, иногда чуть теплее, чем сухо и официально, но всё в рамках делового стиля. Он был компетентен, собран, она ценила его точность, быстроту реакции, уважение к срокам и тонкое понимание контекста. И всё же, именно сейчас, глядя на эти крошечные белые колокольчики, в ней что-то дрогнуло.

Она попыталась отогнать мысль: «Это совпадение. Ну просто совпадение. Он не мог знать. Не мог угадать. Не стоит искать никаких знаков там, где их нет. Это просто... просто вежливый жест.» Но внутри зародилось нечто зыбкое и непонятное — не мысль, даже не чувство, а скорее допущение. Слабое, как первый лёд на реке, но от этого не менее опасное.

Она глубоко вдохнула, быстро собрала документы и вышла, чтобы вернуться в зал совещаний.

На ней была тёмно-синяя, почти чёрная блуза из тонкой ткани в едва заметный мелкий белый горошек. Издалека казалось, что она однотонная, но при близком рассмотрении рисунок придавал ей мягкость и изящество. Брюки были того же оттенка — строгое, выверенное сочетание. Каблуки — от семи до десяти сантиметров, устойчивые, но придающие осанке

ту самую уверенность, которую она ценит в себе на переговорах. Волосы аккуратно собраны — не в пучок, но в строгое и классическое оформление, подчёркивающее линию скул и шеи. Всё в её облике говорило: я здесь по делу.

Она вошла в зал совещаний уверенно, чуть кивнула участникам и заняла своё место у главного стола. Переговоры начались почти сразу. Презентация проекта, обсуждение сроков, распределение зон ответственности. Юристы французской стороны задавали уточняющие вопросы, помощники оперативно находили нужные документы, инженеры из команды Давида делали пометки.

Всё шло как по маслу — чётко, без лишней воды, с уважением к чужому времени. Один из юристов улыбнулся, обратившись к Ольге по-французски:

— *Madame, votre préparation est impressionnante.*¹

Она кивнула с лёгкой улыбкой, переключившись на тот же язык:

— *Merci. J'espère que notre coopération sera aussi efficace que notre réunion d'aujourd'hui.*²

Но где-то между пунктами договора и техническими диаграммами она чувствовала... взгляд. Тот самый, настойчивый и изучающий. Давид смотрел прямо на неё. Не с вызовом, не с флиртом, а будто бы вглядывался вглубь. Его взгляд был холодно-голубым, но живым, внимательным, почти волчьим — в хорошем смысле. Как будто он выжидал, вслушивался, угадывал.

И она, несмотря на всё своё самообладание, ловила себя на том, что чуть сбивается, теряет фокус. Не в словах — в мыслях. Как будто ей нужно было защититься, но она не знала от чего именно. Это не был страх. Это было нечто другое. Зацепка. Интерес. Ответный взгляд, в котором она не хотела — но уже не могла — не искать смысл.

Встреча завершилась подписанием. Французы были довольны, команда проектировщиков — сосредоточена и довольна тонкостью договорных формулировок. Все стали подниматься из-за стола. Обмен рукопожатиями, благодарности.

Давид подошёл последним. Пожал ей руку крепко, чуть дольше, чем было нужно, и посмотрел прямо в глаза.

— Было приятно познакомиться лично. Надеюсь, это не последняя встреча.

Он не улыбался, но в его голосе звучала та самая волчья уверенность, от которой становилось чуть теплее — и чуть опаснее.

Ольга ответила сдержанной улыбкой.

— До встречи.

И всё. Он ушёл, растворился вместе со своей командой и французами в длинном коридоре. А она осталась — одна. В зале, полном отголосков разговоров, наедине со своими мыслями.

Она не знала, что это было. Просто деловая вежливость? Или знак чего-то большего?

В кабинете, когда она вернулась, лилии всё ещё стояли в вазе и пахли на всю комнату. Пахли весной. Или обещанием. Или тревогой.

Она села, открыла ноутбук, но не могла сосредоточиться. Его глаза, его голос, его слова — всё это плавало в воздухе, не давая выдохнуть.

— Ладно, работа, — сказала она вслух, стряхивая с себя наваждение.

Но в голове всё ещё кружились мысли, как лёгкий белый горошек на её блузе. Почти незаметные. Но никуда не исчезающие.

На подземной парковке Давид нажал кнопку на брелоке, и тёмно-серый Jaguar F-Type мягко мигнул фарами. Он всегда считал: если машина — то только Jaguar. Ни Porsche, ни Mercedes, ни тем более BMW не вызывали в нём такого чувства стиля, достоинства и чуть хищной элегантности. В «Ягуаре» была мощь без лишней агрессии, ироничная дерзость, в

¹ Мадам, Ваша подготовка впечатляет

² Спасибо. Надеюсь, наше сотрудничество будет таким же эффективным, как и наша сегодняшняя встреча.

которой он узнавал себя. Глянцевая поверхность кузова отражала жёлтый свет ламп, а кожа салона — в цвете кофе с молоком — приятно пахла теплом и качеством.

Он опустил в кресло, включил двигатель, и низкий рык мотора пробежал по стенам парковки. Звук был идеален — ни громкий, ни тихий. Просто достаточный, чтобы ощутить власть над пространством.

Но мыслей это не заглушило.

Он положил руку на руль, не двигаясь. Просто сидел и смотрел вперёд, в стену.

Почему она была холодна?

Он пытался вспомнить мельчайшие детали. Как она смотрела на него. Как говорила «до встречи». Её лицо — красивое, сдержанное, без единого лишнего движения. Как будто всё было под контролем. Слишком под контролем.

Неужели недостаточно внимания? Он ведь не навязывался. Не был назойливым. Просто — маленький жест. Цветы. Он ведь даже не знал, что это её любимые...

Он усмехнулся про себя:

Просто бабушка в пробке махнула рукой. Стояла между машинами, сжимая небольшие букетики в руках. Почему бы и нет? А вдруг она не любит лилии? Нет, вряд ли.

Это был импульс. Интуиция. Он умел делать романтические жесты на заказ. Но тут — просто захотелось. Впервые за долгое время — просто захотелось сделать женщине приятно. Без расчёта. Без плана.

А теперь вот сидел в своём «Ягуаре» и ломал голову: почему она не проявила эмоций?

Может, ей не понравилось?

Может, она решила, что это неуместно?

Может, она подумала, что ты флиртуешь с замужней женщиной?

Он наклонился вперёд, облокотился на руль. Тонкая нитка раздражения скользнула по шее.

Да брось. Всё, что угодно может быть. Может, у неё просто был сложный день. Или настроение не то. Или просто такая она — закрытая. Всё в порядке.

Он посмотрел на экран телефона, подсветка мигнула — нет сообщений. Он почти на автомате разблокировал экран, открыл мессенджер... но не написал. Закрыл. Зачем? Это будет выглядеть слабо. Глупо. Навязчиво.

Ты взрослый мужик, Давид. Ты не пишешь просто так. Ты действуешь. А если не уверен — ждёшь.

Он снова завёл мотор, включил передачу и плавно выехал со стоянки. На улицах уже сгустились вечерние сумерки, стекло ловило блики неона и фар. Но в голове всё ещё оставался её взгляд. Её молчание. Её сдержанность.

Почему же именно она так зацепила? Чем?

Он не знал. И это бесило сильнее всего.

Давид не поехал сразу домой. Мысль вернуться в пустую квартиру, снова смотреть на чертежи и обдумывать проекты, казалась бессмысленной. Хотелось... просто ехать. Никуда конкретно, просто двигаться. Разрезать потоком света вечернюю Москву, где стекло и бетон сливаются в плавный мираж, отражая уставшие фонари.

Пробки были плотные, но его это не злило. Включив в машине любимый плейлист — там играл старый Massive Attack, сменяясь Lana Del Rey и инструментальными темами из фильмов — он ехал через центр, будто это был саундтрек к какому-то кино, где он сам себе герой. Плавно проскользил по Новому Арбату, свернул в сторону Садового, замер у очередного светофора, разглядывая архитектуру города, который давно знал, но вдруг снова начал замечать.

Через полчаса неспешной езды, почти интуитивно, он оказался у Патриарших. Давид любил это место: старые особняки, редкие световые витрины, лёгкий гул ресторанов, где

уже начинался вечер. Парковку нашёл не сразу — сделал два круга, почти сдался, но в итоге заметил, как отъезжает Porsche, и аккуратно занял его место.

Он зашёл в любимое кафе на углу — панорамные окна, белый мрамор, дерево и мягкий джаз на фоне. Заказал двойной эспрессо. Без сахара. Горький, как нужно. Сидел у стекла и просто смотрел, как жизнь идёт снаружи. Иногда эти паузы были важнее всего.

Потом вышел. На улице было свежо. Он закурил. Дым, табак с ноткой ванили, как он любил. И тут:

— Извините, у вас не найдётся огонька? — прозвучал женский голос.

Он обернулся.

Перед ним стояла девушка лет двадцати восьми, может, чуть младше. Высокая, с идеальной осанкой. Яркие рыжевато-каштановые волосы, собранные в небрежный пучок, будто она торопилась. Яркий взгляд — зелёный, цепкий. На ней было длинное пальто, широкие брюки, высокие сапоги на каблучке и блуза с необычным принтом — абстрактные мазки чёрного и золотого. Макияж почти отсутствовал, но глаза... глаза умели говорить. Она держала тонкую сигарету, будто это не просто привычка, а часть образа.

Он молча протянул ей зажигалку.

— Спасибо. Сейчас так редко встретишь мужчину с зажигалкой. Все на вейпах, как подростки. — Она улыбнулась, неотрывно глядя на него.

— Я старомоден, — ответил он.

— Видно. В хорошем смысле. — она затянулась, посмотрела на его машину и Давиду показалось, будто он добавила взглядом, — Jaguar — тоже часть образа? Или совпадение, как лилии?

Он молча усмехнулся. Совпадений сегодня было слишком много.

— Вы часто так загадочно подходите к мужчинам с сигаретой?

— Только к тем, кто умеет молчать красиво. — она снова улыбнулась.

Разговор пошёл легко, как будто они уже встречались где-то. О погоде, о кофе, о том, как изменилась Москва и как она осталась прежней. Она смеялась чуть громче, чем принято, но это не раздражало. Она смотрела прямо, не отводя глаз, говорила свободно и уверенно, как будто знала себе цену — но без вызова.

Через двадцать минут они уже ехали к нему. Она сидела рядом, перекинула одну ногу на другую, её каблук мягко стучал о коврик. Город остался позади. Музыка снова заиграла. В салоне пахло её духами — что-то древесное, восточное, тёплое. Давид смотрел вперёд, но краем глаза ощущал её профиль, движение руки, дыхание.

Он не знал, что будет дальше. И не думал. Сегодняшний вечер был таким, каким должен был быть. Без планов. Без чертежей. Без логики.

Ему нередко попадались такие женщины — уверенные в себе, знающие, как войти в кадр, как произвести нужное впечатление. Они чувствовали свою силу: в походке, в взгляде, в моменте, когда подходят и спрашивают огонька, и особенно — в том, когда умеют вовремя уйти, не оставляя ни претензий, ни вопросов. Только лёгкий след парфюма и, возможно, пару удалённых сообщений.

Давид знал их. Знал стиль, повадки, предсказуемую магию, за которой нет загадки — только сценарий. Он даже ценил это. Без сюрпризов, без лирических отступлений, всё по нотам, почти как джаз, когда ты заранее угадываешь следующий аккорд.

Он примерно знал, сколько продлится этот флирт. День, может, два. И знал, что после получит деликатный счёт, в её сумке появится новый аксессуар, а у него исчезнет приличную сумму со счёта. Но всё будет обставлено красиво. Он давно не обманывался. И был готов. В этот вечер он не случайно оказался на Патриарших. Он приехал не просто за кофе.

Иногда человеку нужно было не общество, а ритуал: глоток крепкого эспresso, взгляд сквозь стекло, сигарета, пара слов с женщиной, у которой в глазах нет нужды быть спасённой, только легкая тень усталости, которую она прячет, как он — свою.

В машине она не задавала лишних вопросов. Просто смотрела в окно, играя браслетом на запястье. Они не обменялись номерами, не обсуждали завтра, не строили иллюзий. Всё уже случилось. Всё было ясно.

На перекрёстке, когда загорелся красный, Давид повернулся к ней:

— Ты всегда так легко выбираешь — с кем поехать?

Она усмехнулась, не поворачивая головы:

— Нет. Только когда не страшно.

Он кивнул. Ему не было страшно тоже. Просто... немного пусто. И немного не то. Не то выражение глаз, не тот голос, не тот смех. Не Ольга.

Но он заглушил эту мысль. Сейчас не время. Сейчас — просто ночь. Просто женщина. Просто выбор.

Квартира Давида встречала их тишиной, разбавленной приглушённым светом из встроенных подсветок. Простор, стекло, бетон, дорогая сдержанность — отражение самого хозяина. Она прошла внутрь уверенно, как будто уже бывала здесь раньше, сбрасывая пальто и туфли одним движением, точно знающим, где остановиться и где продолжить.

Он не торопился. Налил вина — лёгкое, белое, холодное, в его коллекции всегда было что-то на такой случай. Она взяла бокал, коснулась его пальцев, и между ними прошёл ток — привычный, ожидаемый, но всё равно осязаемый. Сели на низкий диван у окна, откуда открывался вид на ночную Москву. Башни вдалеке мерцали, как декорации к чужой сказке.

Разговор почти исчез — остались только взгляды, касания, движения. Он провёл рукой по её спине, притянул ближе, и она не сопротивлялась. Не было стеснения, не было вопросов. Только кожа, дыхание, замедленное время.

Они переместились в спальню, не говоря ни слова. Там не было страсти на грани боли и сумасшествия. Было другое — ровное, размеренное, как музыка без ускорений и пауз. Она смотрела ему в глаза, он отвечал тем же. Они были взрослыми, умеющими играть в молчание. И в этом молчании — каждый нашёл своё.

Когда всё закончилось, она ненадолго задержалась, потом, как и ожидалось, собрала волосы, встала, нашла свою одежду и неторопливо оделась, с той же лёгкой уверенностью, с какой вошла. Флирт не состоялся, это был просто секс, просто бизнес и ничего больше.

— Спасибо за вечер, — сказала она, стоя у двери, уже натягивая пальто. В руке у нее телефон завибрировал — сообщил о пополнении баланса, она поцеловала Давида в щеку.

— И тебе, — просто ответил Давид.

Она ушла без оглядки. Он вернулся в спальню, открыл окно, вдохнул ночной воздух. И снова вспомнил взгляд — не её. Ольги.

Лампа стояла на столике у кровати. Нет, не лиши.

День закончился. Но мысли — нет.

Глава 5. Оленька

12 апреля

Утро началось, как обычно, — с мелких, домашних ритуалов, из которых складывалась устойчивая конструкция её мира. В спальне было ещё темновато, когда зазвонил будильник. Ольга аккуратно выскользнула из-под одеяла, стараясь не разбудить мужа. Накинув мягкий халат, прошла на кухню и включила кофемашину. Первые глотки капучино — и день начинал приобретать чёткость.

На плите закипала овсянка с яблоками, в тостере подрумянивались ломтики хлеба. За столом она чуть позже разложит всё по тарелкам — дочери с ягодами, себе с орехами, мужу просто, с мёдом. Через полчаса — они уже завтракали троём. Говорили о школе, о погоде, о предстоящем дне. Муж — в сдержанном деловом костюме — встал из-за стола первым. Поцеловал Ольгу в губы, сказал, что сегодня у него важная встреча по проекту, и нужно успеть доделать презентацию. Она кивнула, как всегда — с лёгкой улыбкой, сдержанно, домашнему тепло.

Когда он ушёл, Ольга помогла дочери одеться, заплела ей волосы, проверила рюкзак. Они вышли из дома чуть раньше восьми. На стоянке — её чёрный «Вольво», чистый, аккуратный, как и всё, к чему она прикасалась. В машине звучала тихая классика — один из плейлистов, который она включала утром, чтобы не перегружать себя громкими словами.

Именно в этот момент, когда она уже пристёгивала дочь, экран телефона мигнул.

SMS от Давида.

«Сегодня встреча недалеко от твоего офиса. Пообедаем сегодня вместе?»

Ольга застыла. На секунду. Внутри что-то дрогнуло, щёлкнуло — еле слышно, но ощутимо. Она закрыла телефон. Не ответила. Сначала — потому что нужно было завести дочь. Потом — потому что ехала за рулём. А потом... просто забыла. Или не захотела вспоминать.

Но пока они ехали, мысль не отпускала. Фраза его сообщения, простая и будничная, звучала в голове мягким эхом.

Они не часто писали друг другу в последнее время. Но когда это случалось, сообщения всё больше напоминали лёгкий флирт и переписка могла длиться часами, а иногда и пару дней. Флирт. Не грубый, не прямолинейный. Скорее, тот, что происходит на уровне пауз, намёков, комплиментов, которые вроде бы можно считать просто вежливыми — а можно и нет.

Она ведь замужем. Пятнадцать лет. И, кажется, счастливо.

Но с Давидом ей нравилось переписываться. Он как будто вызывал в ней что-то забытое, лёгкое, едва уловимое. Как будто напоминал, что когда-то мужчины смотрели на неё не только как на юриста или мать, а просто — как на женщину.

Всю дорогу до школы она думала об этом. Обо всём. О том, стоит ли соглашаться. Что будет, если ответит. И главное — зачем она вообще продолжает это общение.

Но больше всего сбивало с мысли то, как он её называл. Оленька.

Не Ольга, как звали её все остальные. Даже близкие друзья, не говоря уж о коллегах. Ольга — это имя с чёткими границами, с прямой спиной и тонким намёком на дистанцию. Ольга — это контракт, аргумент, параграф.

А Оленька — это кто-то другой. Кто-то, кого она будто бы давно не вспоминала.

Он писал это как-то невзначай. В конце сообщения. Между делом. Там, где вроде бы можно было и не называть по имени. Или оставить официальное, нейтральное. Но он называл. Специально или случайно — она не знала. Но каждый раз это будто бы чуть-чуть сти-

рало границу между ними. Между деловым и личным, между «вы» и чем-то гораздо более опасным.

И именно это — Оленька — всё утро звучало в голове не менее отчётливо, чем вопрос: «Пообедаем сегодня вместе?»

У школы дочь обернулась, поцеловала её в щёку и убежала к одноклассникам.

А Ольга села в машину, взглянула на телефон. Потом провела пальцем по экрану и смахнула непрочитанное сообщением, не открывая его.

Ольга выехала на дорогу и повернула к офису.

В голове вертелись только три слова.

«Пообедаем сегодня вместе?»

Она включила музыку — сегодня ей хотелось чего-то лёгкого, почти невесомого.

Французского.

Она открыла свой любимый плейлист: Zaz, Indila, Namika — знакомые мелодии окутали салон автомобиля мягкой волной. Эти голоса всегда успокаивали: чуть хриловатые, как будто уставшие от слишком бурной ночи, но всё ещё полные жизни. Она не пыталась переводить тексты, даже не вслушивалась — просто ехала, позволяя себе отключиться.

И — попытаться убедить себя.

Убедить, что она придаёт слишком большое значение словам. СМС. Compliments.

Оленька. Это ведь просто слово.

А Давид — просто человек, у которого всегда были женщины рядом. Он привык флиртовать. Это его манера, привычка. Она — не исключение. Скорее всего, он просто так общается со всеми. Лёгкий тон, игра слов, обаяние. Это не про неё. Это про него.

Полчаса спустя, уже почти подъезжая к парковке офиса, Ольга поймала себя на мысли, что, возможно, всё это действительно существует только в её голове. Может, ему просто не хотелось обедать одному. Может, его сообщение — не флирт, а импровизированный деловой ланч, как с любой другой знакомой. Может, она действительно — просто одна из.

И тогда она подумала: почему бы и нет.

Она пообедает с ним. Это ни к чему не обязывает.

Нужно просто держать себя в руках. Не поддаваться. Не показывать чувств.

Это просто обед. Он даже может быть скучным, — сказала она себе, выходя из машины.

Она поднималась по лестнице в офис, когда наконец решила ответить. Остановилась у стеклянной двери, глубоко вдохнула, как будто набрала воздуха перед погружением. Телефон в руке чуть подрагивал — от лёгкой дрожи пальцев или от солнечного жара, просочившегося сквозь стекло, она уже не понимала.

Пальцы набрали первую фразу. Потом стерли. Затем ещё одну. Она смотрела на экран, как на собеседника, от которого нужно было держать дистанцию. Никаких эмоций. Никакой двусмысленности. Максимально нейтрально. В итоге получилось:

«Здравствуйте, Давид. Я могу в 13:30. Сообщите, пожалуйста, адрес».

Она перечитала.

Без точки в конце — звучит мягче.

Без улыбок. Без намёков.

Без Оленьки.

Нажала отправить — и спрятала телефон в сумку, как будто он мог обжечь ладонь.

Она ещё не успела дойти до кабинета — всего несколько шагов по коридору, каблук глухо отдавался в утренней тишине офиса, — как телефон коротко провибрировал в сумке. Давид ответил почти мгновенно.

«Отлично! Тогда жду тебя в 13:30 в SIXTY, Башня Федерация.

Ты сегодня наверняка снова выглядишь безупречно :)»

Улыбающийся смайлик в конце строки показался ей почти неприличным в своей лёгкости. Она почувствовала, как внутри что-то тепло разлилось, как от крепкого кофе — и тут же постаралась это тепло погасить.

Безупречно... Слово эхом повторилось в голове.

Обычный комплимент. Он вежливый. Просто вежливый. — попыталась она убедить себя, подходя к кабинету и глубже вдохнув, возвращая себе привычную собранность и невозмутимость.

Она шла по коридору офиса, не глядя по сторонам, держа в руках телефон с открытым сообщением.

Sixty. Это было слишком.

В глазах мгновенно всплыл панорамный вид с 62-го этажа, приглушённый свет, блеск стекла и меди, утончённая подача блюд и взгляд людей за соседними столиками — тех, кто всегда в курсе, кто с кем и зачем. Там редко ели просто ради еды.

«Не слишком ли шикарно для обычного делового обеда?» — промелькнуло в голове.

Впрочем, она не собиралась это обсуждать. Пусть будет так.

Всю первую половину дня она была рассеянной. Коллеги задавали вопросы, приходили на согласование документов, приносили отчёты — она отвечала, но с каким-то внутренним опозданием, как будто мысли у неё шли на шаг позади слов. Её раздражала собственная реакция. Всё было бы проще, если бы это действительно был просто деловой обед. Но сейчас всё — место, тайминг, его СМС с «улыбкой», неожиданной тёплым тоном и недавние разговоры в мессенджере — складывалось в другую картину.

Она пыталась анализировать. Давид всегда был вежлив, галантен, даже слишком. И да, он флиртовал. Но с кем он не флиртует?

Может быть, у него такой стиль общения. Может быть, она просто накручивает.

Может быть, просто ей самой не хватало чего-то в последнее время, и теперь она видела знаки там, где их не было.

Она трижды порывалась отменить встречу — то открыть мессенджер, то уже начать печатать, то просто стереть набранный текст.

Но каждый раз что-то останавливало.

В какой-то момент она даже решила: «Пусть это будет проверка. Проверка себя. Спокойствия. Уравновешенности. Внутренних границ».

И всё равно — сердце будто дёрнулось, когда часы показали 13:00.

Пора было идти.

Ресторан был почти полон, но тихий — как и положено заведению, где столики бронируют не спонтанно, а по привычке быть в правильных местах с правильными людьми. Лёгкий аромат кофе, свежей зелени и дорогих духов витал в воздухе, словно часть интерьера.

Давид сидел за столиком у окна — лицом к залу, спиной к панораме. Он ждал. Телефон лежал на столе, но экран был погасший — он не трогал его. Спокойный, собранный, он сидел в своём ровном, чуть напряжённом молчании — так ждут тех, чьё появление важно.

Свет падал под углом и подчеркивал чёткую линию подбородка, тонкие скулы, идеально выглаженный воротник светло-голубой рубашки. На нём был тёмно-синий пиджак безупречного кроя и тёплый, почти ласковый взгляд, устремлённый ко входу.

Он увидел её сразу.

Ольга вошла в зал — лёгкая, уверенная, немного сдержанная. Волосы собраны в аккуратный пучок. Светло-бежевое пальто свободного кроя поверх приталенного кремового брючного костюма. Закрытые кожаные туфли в тон костюму на невысоком каблучке, минималистичная сумка из темной коричневой кожи на плече и часы Frederique Constant на коричневом кожаном ремешке в тон сумки. Золотые аккуратные серьги, обручальное кольцо и крестик на цепочке — все её украшения. Образ был подобран идеально и деловой подход не вызывал

сомнений. Всё в ней — от взгляда до движения руки, поправляющей прядь волос — дышало сдержанной элегантностью.

Официант вёл её через зал, и Ольга, не оглядываясь по сторонам, направлялась к столику. Уверенная походка, ровная спина, но внутри — легкое волнение, почти неуловимое.

Давид встал, когда она подошла. Его глаза — тот самый пронзительный, тёплый, глубокий взгляд — вновь зацепили её. В нём не было ни настойчивости, ни притворства, только внимание. И чуть-чуть — слишком чуть — восхищения. Его глаза — вызывали в ней непонятные смешанные чувства страха и смятения, так как взгляд был непозволительно долгим и глубоким для просто делового общения. И в то же самое время глаза его были ей как будто близки, словно она их всегда знала, могла доверять и даже может быть немного была в них влюблена. Она прогнала эти мысли.

Она уже протянула руку, чтобы поздороваться, но он наклонился и легко обнял её за талию, почти невесомо, и поцеловал в щёку. Всё было естественно, как будто именно так и должно быть.

Но внутри она вспыхнула — не от прикосновения, а от неожиданности, от того, как близко это было к черте, которую она сама себе начертила, хотя, наверное, он её пересёк.

— Спасибо за приглашение, — сказала она, сев за стол.

Голос был ровным, спокойным. Только цвет щёк её выдал.

Официант подошёл быстро, как будто предвкушая, что у них мало времени — или много смысла между строк. Они заказали без лишнего обсуждения — лёгкий лосось на пару для неё, стейк с овощами для него. Бокал белого. Минеральная вода. Всё строго, будто это и правда деловой обед, но слишком много пауз и взглядов, чтобы поверить в это до конца.

— Ты всегда обедаешь в таких местах? — спросила она, глядя на него поверх бокала.

— Только когда хочу произвести впечатление, — спокойно ответил он. — Но сегодня я просто был поблизости. И подумал, что ты не откажешься от красивого вида.

Она чуть улыбнулась, но ничего не ответила.

Некоторое время они просто ели, перекидываясь ничего не значащими фразами — про трафик, про утренние собрания, про какой-то абсурдный документ, который ей пришлось согласовывать с иностранными юристами.

А потом, после одной из фраз Давида, сказанной чуть мягче обычного — «Ты сегодня особенно хорошо выглядишь. Этот цвет тебе идёт... хотя, кажется, тебе всё идёт», — за столом повисла пауза. Не резкая, не неловкая — скорее, очень тихая, как будто кто-то приглушил звуки вокруг. Она не ответила, лишь чуть отвела взгляд в сторону окна.

Разговор остановился, повисла пауза.

За стеклом раскинулась Москва: крыши, пробки, кусочки солнца, цепляющиеся за стёкла небоскрёбов. Они молчали, и эта тишина не давила — наоборот, в ней было что-то особенное. Невысказанное. Внутренне родное.

— Знаешь, — вдруг сказал Давид, не отрывая взгляда от города, — я люблю молчать. Но с возрастом понял, как мало людей рядом, с кем это действительно возможно... комфортно, без необходимости что-то заполнять.

Он замолчал, потом тихо добавил:

— Последний раз я так молчал с мамой. Мы могли часами не говорить, даже по телефону. Просто слушать тишину. И в какой-то момент я замечал, что до сих пор держу трубку... потому что чувствовал, что она рядом. И слов не нужно.

Она посмотрела на него — чуть дольше, чем позволяла бы себе в обычной жизни. Глаза мягче, чем обычно. Ответить было нечего, но и не требовалось.

После обеда они поднялись почти одновременно. Давид взял её пальто с вешалки, помог надеть — ткань скользнула по рукавам, его рука на её спине задержалась на миг дольше,

чем нужно. Он слегка приобнял её — без намёков, просто будто по привычке — но она резко выпрямилась и чуть отстранилась, будто инстинктивно поставила границу.

Он улыбнулся, почти дерзко:

— А что? Это ведь было приятно... Разве нет?

— Спасибо за обед, — прервала она, не отвечая на его тон. — Мне пора.

— Конечно.

Она уже сделала шаг, когда он добавил:

— Рад, что ты пришла, Оль... Оленька.

Она не оглянулась, даже не посмотрела на него, сделала вид, что не слышит, чуть опустила глаза, сдерживая эмоции злости, раздражения, растерянности и радости. Она особенно не хотела признавать, что она рада их встрече, что она, как девчонка в 16 лет, окрылена его комплиментами, взглядами... Она даже немного злилась на него, что он перешел не просто на ты, а на какие-то личные, даже интимные обращения и что он был прав, сказав: «... было приятно...» и на себя, что не смогла дать отпор, что вообще пришла, что писала все эти СМС и что допустила такую ситуацию. Она ушла.

Ольга вернулась в офис быстро, с привычной деловой походкой, но внутри всё вибрировало, как натянутая струна. Впереди была важная встреча с клиентами — один из тех конфертов, над которым работала не первую неделю. Нужно было собраться, сконцентрироваться, быть безупречной, как всегда.

Но всё валилось из рук.

Документы, которые она собирала заранее, внезапно оказались не там, где она их оставила. План презентации ускользал из головы, как будто она впервые видела эти слайды. И даже чашка кофе, которую принесла ей ассистентка, показалась слишком горячей, обжигающей — словно на нервах реагировала даже кожа.

Она винила себя. За то, что пошла. За то, что не оборвала это раньше. За то, что позволила ему называть её Оленька... С каким правом вообще? С какой, чёрт возьми, интонацией? Он ведь знал, что она замужем. Он ведь всегда держал дистанцию. Или ей это только казалось?

Всё внутри кипело. Она была зла — на него, на себя, на глупую уязвимость, которая пробудилась там, где ей не место. Она мысленно уже выговаривала ему всё: «Ты не имел права! Это неуместно. Это непрофессионально. И вообще, кто ты такой, чтобы применять к моему имени уменьшительно-ласкательные формы, как будто мы близки? Уменьшительно-ласкательные — интересно, что сама этимология говорит за себя. Он уменьшил меня из Ольги в какую-то девчонку и я должна молчать? Ласкательная...»

Но вслух, конечно, ничего не сказала. Даже в голове её голос звучал сдержанно, с нотками уставшей строгости.

Она собралась через силу, провела встречу, глядя в ноутбук, стараясь не терять нить разговора. Клиенты ничего не заметили, но для неё самой всё было будто в тумане. Она отвечала, кивала, делала пометки, но ощущала себя как будто в чужом теле.

После встречи она закрыла ноутбук и несколько минут просто сидела в тишине, глядя на выключенный экран, в котором отражалось её лицо — холодное, напряжённое, чужое.

Как только за Ольгой закрылась дверь переговорной, в голове будто кто-то резко затянул гайки. Боль накатила внезапно — ноющая, пульсирующая, как будто давила изнутри виски и затылок. Ей стало тяжело дышать, и мир вокруг слегка поплыл. Она с усилием поднялась, направилась к кабинету, сжав пальцы на переносице.

— Анастасия, — обратилась она к своей помощнице, стараясь не выдать напряжения в голосе, — пожалуйста, скажи, если будут спрашивать: я сегодня ушла пораньше. Я плохо чувствую себя.

Настя тут же забеспокоилась:

— Может, вам врача вызвать?

— Нет, спасибо. Просто нужно немного тишины.

Она взяла сумку, пальто, неся себя как обычно — сдержанно и элегантно, хотя каждый шаг отзывался глухим эхом в голове. На стоянку идти не было сил — мысль о том, чтобы сесть за руль, казалась абсурдной. Она вызвала такси, медленно спускаясь по лестнице, чтобы не закружилась голова.

В дороге она закрыла глаза и, не раздумывая, написала мужу: «Забери, пожалуйста, Аню из школы. Я вернулась домой, неважно себя чувствую, не смогу заехать.»

Он ответил почти сразу: «Конечно. Всё в порядке?»

«Просто голова. Нужно немного полежать,» — отправила она, стараясь, чтобы сообщение звучало спокойно.

Сквозь окно такси проплывали улицы, мосты, фасады. Она не смотрела — просто пыталась дышать ровно, надеясь, что дома наконец наступит тишина, и боль немного отпустит.

Сняв пальто, она на мгновение остановилась в коридоре, прислонившись к стене. Каблуки застучали по паркету — один, два, три... и стихли. Ольга не переоделась, не умылась, не зашла на кухню. Словно ведомая телом, а не разумом, она прошла в спальню, опустилась на кровать и легла, не разбирая постель. Накрылась пледом и уже через пару минут провалилась в сон, как будто кто-то выключил в ней свет.

Она не заметила, как наступил вечер... Она не слышала, как в квартире щёлкнул замок, как захлопнулась дверь и в коридоре раздались весёлые голоса. Не почувствовала, как муж осторожно заглянул в спальню, бросил взгляд на её лицо и, не тронув, тихо прикрыл дверь. Аня бегала по квартире, рассказывала что-то папе, а Ольга всё спала, будто отгородившись от мира и погрузившись в другую реальность.

Ольга проснулась от будильника, словно выброшенная из жара, прокатившегося по телу волной. Несколько секунд не могла сообразить, где она. В темноте угадывались знакомые очертания спальни — всё было на своих местах, но вдруг стало чужим.

Тело ещё не отпустило сон, в нём жило послевкусие — почти физическое. Казалось, реальностью была не эта кровать, не ровное дыхание мужа рядом, а совсем иное место. Настоящее, пульсирующее, живое.

Она зажмурилась, будто пытаясь вернуть ускользающее чувство — вкус его губ, тепло его руки, скользящей по талии. Он смотрел прямо в глаза, не отводя взгляда, будто видел её насквозь. Всё казалось настоящим. До мурашек. До дрожи. Их нагие тела, спутанные пальцы, дыхание в унисон.

Комната была погружена в мягкий утренний полумрак. Рядом дышал муж — всё так же спокойно, как и всегда. Он даже не заметил, как она выбралась из постели.

Ольга прошла в ванную, умылась холодной водой. В зеркале отражалось слегка бледное, но отдохнувшее лицо. Она давно не спала так глубоко — словно погрузившись в другой мир: ни просыпаний ночью, ни привычных мыслей, кружащих в голове, только она и Он... Тринадцать часов полного отключения. Но она понимала, что все это — плод её воображения и усталости.

Телефон она не трогала. Он лежал где-то в сумке, наверное, уже взрывался от уведомлений, рабочих писем, сообщений в чатах. Она знала, что Давид наверняка тоже написал — возможно, не один раз. Но сейчас это не имело значения.

Сейчас начинался обычный день. Нужно собираться.

Глава 6. Удалить

Ольга зашла в кабинет и закрыла за собой дверь, привычным движением повесила пальто на вешалку в шкаф и устало опустилась за стол. К ней постучалась Настя — её помощница, она принесла документы на подпись и сказала:

— Вас тут вчера обыскали, но ничего важного. Может, капучино? — она положила, как обычно, небольшую стопку документов со стикерами где нужно поставить подпись на левый верхний край стола Ольги и немного задержалась в дверях, ожидая ответа.

— Спасибо большое, да, пожалуйста. — обратилась она в сторону приоткрытой двери.

Помощница кивнула и тут же исчезла, а Ольга достала телефон. Он был тёплый от напряжения — за ночь и утро накопилось с десятков уведомлений: рабочие чаты, служебная почта, пара напоминаний из календаря и... имя, которое мгновенно притянуло взгляд — Давид.

Она вздохнула и всё же нажала на экран. Сообщения были короткие, как будто он старался не перегружать её, но и не молчать слишком долго.

«Ольга, спасибо тебе за обед. Было по-настоящему приятно» — она прямо представляла его самоуверенный вид, когда он писал это.

«Ты красивая. Очень. Особенно когда смотришь в окно и молчишь» — перед глазами опять всплыла сцена в гардеробе SIXTY, её ночной сон, и она опять почувствовала возбуждение и немного нахлынула злость на саму себя.

«Надеюсь, всё хорошо прошло на супер важной встрече?)))»

«Ты хорошо добралась домой?» — Ольга наполнилась румянцем от злости и смешанных чувств, подумав: «с каких пор мы перешли на „ты“ с маленькой буквы?» «с маленькой буквы»

«Если вдруг захочется просто кофе и ни о чём — напиши. #»

«Ты мне нравишься. Ты не думала дать нам шанс?»

«Ты ведь тоже это чувствуешь?»

Она прочитала всё ещё раз, неторопливо. Потом выключила экран и положила телефон на стол лицом вниз.

Кабинет наполнился ароматом свежего кофе — помощница аккуратно поставила на стол кружку с капучино и ушла, не задавая лишних вопросов.

Ольга смотрела на кружку, на светлую пенку, и пыталась сосредоточиться. Впереди был рабочий день, и он требовал чёткости, собранности, а не обрывков воспоминаний, фраз и случайных прикосновений. Но мысли снова начали утекать в сторону окна, ресторана, его глаз, молчания и того, как легко было в нём раствориться.

Она взяла телефон и написала короткое:

«Прости, я заснула»

Пальцы немного дрожали, но она не позволила себе задуматься, почему. Просто нажала «отправить» и почти сразу — как будто сама себе — добавила про себя: это последнее. Это была холодная, чёткая, рациональная мысль — решение, принятое не сердцем, а головой.

Она вернулась в список чатов, провела пальцем влево и нажала «удалить». Чат исчез. Как будто его и не было. На секунду показалось, что стало тише. Но только снаружи.

Но лёгкость не пришла. Внутри осталось странное чувство: будто выкинула из дома нечто живое — беспокойное, неудобное, но всё же тёплое. Она посмотрела на экран, ставший пустым и глухим, и почти почувствовала, как что-то внутри сжалось. Всё правильно. Всё под контролем. Она снова включила автопилот.

Ольга глубоко вдохнула, потянулась за капучино и сделала глоток. Тёплое молоко с лёгкой горечью обожгло губы и мягко прокатилось по горлу. Это помогло собраться. Ещё

немного. Она знала: если отвлечься на задачи, загрузить себя цифрами, терминами, подписями и отчётами — то всё в голове снова встанет на свои места.

Она поставила чашку обратно, открыла ноутбук и начала проверять почту. На автомате, без внимания, но с правильной осанкой. Всё было как обычно. Только внутри, где-то совсем глубоко, всё ещё звенела его фраза:

«Ты красивая. Особенно когда молчишь.»

И то, как он написал: «Ты мне нравишься. Ты не думала дать нам шанс?»

И то, как она... позволила себе это свидание, да, теперь она наконец себе в этом призналась. Это был не деловой обед, это было свидание. И то, что она позволила ему все это сказать.

И то, что они сегодня увидятся снова на финальной встрече с инвесторами.

Кстати о встрече, ей нужно было работать, она отряхнулась от мыслей и вернулась к подготовке ко встрече.

Глава 7. Ты снилась мне

14 апреля

Ольга пришла на работу чуть раньше обычного. Коридоры были ещё полупустыми, в офисе витала тишина, какая бывает только ранним утром — когда мир ещё не запустился в полную силу. Она прошла в свой кабинет, скинула пальто, открыла телефон — и увидела сообщение.

От него.

«Ты снилась мне».

Коротко. Почти невинно. И при этом — слишком много. Слишком лично. Сердце отозвалось лёгким толчком, будто кто-то незаметно толкнул изнутри.

Давид... Он всегда был особенным. Тем самым человеком, знакомство с которым словно бы добавляет тебе веса, значения, уверенности в собственной ценности. Как будто одно его внимание уже поднимает тебя над повседневностью. Странно, но она никогда не могла прямо сказать ему об этом. Пыталась — бывало, начинала, — но нужные слова каждый раз застревают на полпути. Наверное, потому что так не принято. Потому что женщина, если начнёт говорить о чувствах первой, будто сдаёт свои позиции, обнажает слабость. А слабость, как ни крути, — роскошь не для замужней женщины.

Да и здравый смысл никто не отменял.

Её «нет» в его адрес — это не отрицание чувств. Это попытка выжить в реальности, где быть с ним — значит разрушить всё. Семью. Ребенка. Жизнь, как она есть. Это путь, по которому невозможно пройти без потерь. Страшных, необратимых. Возможно, он и правда симпатизирует ей — это одновременно сладко и мучительно. Потому что даже в своих снах она боится этой близости. Боюсь, как бояться зависимости, наваждения, желания, от которого невозможно отмыться.

Он — её тайная страсть. Её запрет и её соблазн.

Наверное, в другой реальности они бы были вместе. Не скрывались бы, не притворялись, не боялись. Любили бы открыто — страстно, без страха. Но в этой... В этой она должна сделать вид, что ничего не чувствует. Что это всего лишь сообщение. Ещё одно утреннее сообщение от коллеги.

Она знала: для него это всё куда проще. Он давно свободен. Разведён, без обязательств, с удобной, выверенной жизнью, в которой даже любовные связи расписаны по графику. В этом у него опыт — с холодной деловитостью он обрывает отношения, когда они начинают мешать работе, привычкам, или когда женщины, как это часто бывает, просят большего. Она будет всего лишь одной из них. Ещё одной. Тайной. Вспышкой. Ему нечего терять. Ни семьи, ни репутации. А может, даже и нравится эта игра в полутени — краткие встречи, украдкой брошенные взгляды, прикосновения, которые нельзя назвать прикосновениями. Возможно, он вовсе и не против, чтобы всё осталось на уровне намёков, *small talks*³ и редких, мучительно коротких сообщений.

А ей терять есть что. Слишком многое.

И всё же... этим утром сообщение пронзило особенно остро — потому что он ей тоже снился. Снился до мельчайших деталей, до запаха его кожи, до отражения на панорамном стекле.

Во сне они были вместе — по-настоящему. Без прошлого. Без семей. Без обязательств. Только они двое и Москва, раскинувшаяся под ногами — огромная, живая, светящаяся.

³ коротких разговоров

Он снял для них апартаменты на последних этажах Москва-Сити — панорамные окна до пола, сквозь которые металась огни машин внизу, как живой пульс ночного города. Они стояли в полумраке — только слабый свет от фонарей с улицы заливал комнату. Она — в длинном атласном бежевом платье комбинации на тонких бретельках, босая. Он подошёл сзади, молча, медленно стянул с неё бретельку. Плечи обнажились, и он коснулся губами кожи — так нежно, что мурашки пробежали по позвоночнику. На столике — бутылка розового Moët & Chandon, два бокала, плед, небрежно брошенный рядом. В розовых бокалах пузырьки газа быстро стремятся вверх, словно боятся опоздать, словно от этого зависит их существование. Добираясь до границы шампанского и воздуха, они с легким треском разрываются и превращаются в ничто, словно растворяются в воздухе, оставляя после себя лишь легкое шипение и тонкий аромат праздника.

Каждый пузырек — это маленькая история, короткий миг радости и страсти, который, взмывая к поверхности, уносит с собой все тревоги и заботы. В этот момент кажется, что время останавливается, а окружающий мир замедляет свой бег. Мягкий свет отражается в розовом напитке, создавая волшебную атмосферу, где каждый глоток шампанского приносит ощущение счастья и свободы.

Давид и Ольга сливаются в страстных объятиях, а музыка на фоне играет нежные мелодии, задавая темп их движениям. В этот момент ничего вокруг не имеет значения, никакого не существует, кроме них двоих, а они просто наслаждаются тем, что они есть. Пузырьки продолжают появляться и исчезать, как мечты, которые возникают в сознании и мгновенно растворяются, оставляя за собой лишь легкий след вдохновения.

Они не говорили ни слова. Просто стояли, прижавшись друг к другу, а потом отдались страсти — без спешки, глубоко, с той эмоциональной отдачей, которую невозможно подделывать. Он смотрел на неё, будто хотел запомнить каждую черту, каждое движение. В этом сне она была счастлива.

*И проснулась — от жара, от тоски, от желания. А потом пришло это сообщение.
«Ты снилась мне».*

Как будто он заглянул в сон. Как будто знал. Как будто... тоже был там.

Одно единственное сообщение, вся предыдущая история была стерта, будто её и не было вовсе. Но она была в её голове, как и этот навязчивый, но в то же самое время пугающе приятный и желанный сон. Как будто она сама в тайне хотела попробовать эти отношения, попробовать быть другой, с другим и все иначе. То, чего она не могла позволить себе в реальности.

*Ольга медленно нажала на значок вызова. Палец едва коснулся экрана, и она услышала:
— Алло.*

Он ответил мгновенно. Ни единого гудка. Словно держал телефон в руках и ждал. Как будто знал, что она наберёт.

Она растерялась, замолчала на секунду, прижимая аппарат к уху, будто не до конца верила, что всё происходит наяву.

— Странно... — произнесла наконец. — Я даже не услышала звонка.

— Я ждал твоего звонка, — спокойно, почти мягко сказал он.

У неё пересохло во рту. Голос звучал слишком близко, слишком уверенно. Сердце будто сорвалось с привычного ритма.

— Нам нужно встретиться, — произнесла она чуть тише, чем хотела, но с отчётливой решимостью.

— Я сейчас приеду, — сразу откликнулся Давид.

— Нет, не нужно... — поспешно остановила она его. — Давай встретимся в шесть. В нашем кафе...

Она запнулась, осознав, как это прозвучало. Не слишком ли интимно? Не слишком ли... признательно?

— Извини, — быстро добавила. — Я хотела сказать: в том кафе, где мы бывали несколько раз после успешных встреч. Чтобы попить кофе и отпраздновать.

Пауза была почти незаметной, но он понял.

— Конечно. Договорились, — ответил он. И в этих двух словах было что-то особенное. Как будто он улыбнулся. Как будто это «договорились» касалось вовсе не только встречи. Как будто он сказал: «Я понял тебя. И я там буду».

Ольга отключила звонок и положила телефон на стол, стараясь не смотреть на него слишком долго, словно он мог почувствовать её взгляд.

Теперь оставалось ждать шести вечера.

После утреннего звонка с Давидом Ольга на удивление быстро пришла в себя и в привычном ритме начала работы в офисе. День начался, как и большинство предыдущих — без суеты, но с чётким расписанием.

Её кабинет — просторный, светлый, с высоким потолком, аккуратно оформленный в спокойных тонах — это был её мир, где всё подчинялось разуму, логике и структуре. Здесь царил порядок, которого ей так не хватало сейчас в личной жизни.

Ольга включила ноутбук, и в следующие несколько минут изучала почту. Уже в десять утра было запланировано первое совещание с отделом по новым сделкам — необходимо было оценить два контракта: один с застройщиком жилого комплекса на юге Москвы, второй — с международной инвестиционной компанией, выходящей на рынок. Она бегло просмотрела файлы, сделала пометки на полях: риски, пробелы, потенциальные лазейки. Всё как всегда.

На совещании она говорила уверенно, сдержанно, и её слушали. Не перебивали. В юридической среде, где каждая фраза должна быть выверена, а каждый документ — безупречен, она была авторитетом. Когда она задавала вопросы, даже самые самоуверенные менеджеры теряли напускное спокойствие и перелистывали страницы, ища объяснение.

После обеда её ждала встреча с представителями одного из крупных клиентов. За последние годы они провели с этой компанией десятки переговоров, и всё равно каждый новый этап требовал пристального внимания. На этот раз речь шла о покупке участка земли с непростой историей владения. Ольга заранее изучила архивные выписки, схемы собственности, судимости бывших владельцев, просчитала возможные риски и подготовила перечень дополнительных документов, которые нужно запросить.

После встречи она вернулась в кабинет, сделала себе чёрный кофе — без сахара, сегодня ей хотелось именно так — и принялась за вычитку договора на сто тридцать страниц. Это был сложный текст, с множеством вложенных условий, ссылок, формулировок, требующих не просто юридической грамотности, а интуиции, умения предугадать последствия.

К вечеру, к половине шестого, голова немного гудела от перегрузки, но день был продуктивным. Всё было под контролем — клиенты довольны, контракты уточнены, документы подготовлены. Осталось лишь отправить пару писем и — она взглянула на часы — успеть дойти до кафе.

Но впервые за долгое время её мысли были не о работе. Не о юридических формулировках и рисках. Где-то на фоне, почти физически, она чувствовала пульс другого ожидания. Вечернего. Личного. Запретного.

Давид уже подъезжал к кафе. В этот раз он почти не смотрел на навигатор — знал маршрут наизусть. Машина скользила по весеннему асфальту, и за окном мелькали стеклянные фасады зданий делового центра. Он недавно вышел со встречи — обсуждали корректировки проектных решений по строительству крупного торгового центра. Вроде бы ничего необычного: заказчик захотел изменить планировку третьего уровня, передвинуть эскалаторы, добавить ещё одну зону ресторанов. Давид знал этот сценарий наизусть. Переработка,

новая экспертиза, потенциальные задержки и — неизбежно — нервы у всех сторон. Он давно научился относиться к этому спокойно: рынок диктует свои условия, изменения — часть профессии.

Но сейчас он поймал себя на том, что почти не вспоминает детали встречи. Всё, что казалось важным ещё утром, ушло на второй план. Его внутреннее внимание было сосредоточено на предстоящем. Он освободился раньше обычного, и теперь понимал: ему придётся ждать Ольгу около получаса.

Он припарковался на подземном паркинге, недалеко от кафе, заглушил двигатель и остался сидеть в машине. Лёгкий, едва заметный мандраж пробежал по телу. Странное чувство — вроде бы ничего не должно случиться, обычная встреча каких было сотни, кофе, разговор. Но он знал — нет, чувствовал, — что всё это не просто так. Что между ними давно образовалось нечто большее, чем просто симпатия. Он видел, как она смотрит на него, как ловит себя на том, что говорит ему чуть больше, чем другим, как будто невзначай. Он знал: для неё всё это — на грани. Запретный плод, игра с огнём.

И тем острее был интерес и желание. Он был свободен — и от обязательств, и от моральных сомнений. После развода он так и не нашёл никого, кто бы по-настоящему увлёк его, да и святость института брака пошатнулась в его глазах. Все женщины в его жизни, какими бы яркими они ни были, не задерживались в ней надолго. Но Ольга... Ольга была другой. Умная, собранная, сдержанная, отстранённая до холодности — и именно этим будоражащая. Её притяжение казалось тонким, почти невидимым током, пробегающим по коже. Именно такие женщины запоминаются. Именно таких мужчины помнят годами.

Он знал, что для неё это может стоить очень многого. И подозревал, что, возможно, ему даже это на руку. Тайные связи, украденные встречи, взгляды через стол — в этом было что-то притягательное. И не только физически. И его тянуло к Ольге, тянуло настолько сильно, что он был готов пренебречь всеми рисками в мире. Он видел их во сне, это было прекрасно, такого с ним ещё никогда не случалось, чтобы женщина завладела его разумом и снами. В этом была магия, страсть и желание.

Он посмотрел на часы. До шести оставалось двадцать две минуты. Он решил подождать в машине, дать себе время подумать. Но мысли снова и снова возвращались к ней. К тому, как она придёт, сядет напротив, как будет говорить чуть ниже обычного, как взгляд её скользнёт по его пальцам на чашке кофе — и тут он поймёт: всё идёт именно так, как должно.

Кафе было почти пустым — тёплый свет ламп рассеивался над столиками, создавая камерную, чуть приглушённую атмосферу. Давид уже сидел за угловым столом у окна, с чашкой чёрного кофе перед собой. Он сразу поднялся, когда увидел Ольгу. Она вошла быстро, немного торопливо, словно боялась передумать.

— Привет, — сказала она, немного неуверенно улыбнувшись, и села напротив.

— Привет, — ответил он мягко, чуть склонив голову, как будто приветствуя её с особой теплотой.

Официант подошёл, и Ольга заказала себе зелёный чай и чизкейк, после короткой паузы добавив, почти с натяжной лёгкостью:

— Кофе по вечерам — не лучшая идея. Я потом не сплю полночи.

Она хотела продолжить — может, добавить что-то ещё в духе беззаботной болтовни, но в памяти резко всплыл утренний сон. Панорамные окна, его губы на её плече, шампанское, свет города под ногами... Реальность, от которой она только-только пыталась отстраниться, снова ворвалась в неё с силой волны.

Она замолчала на полуслове, отвела взгляд в сторону и сделала вид, что смотрит меню, хотя оно уже лежало закрытым. Давид чуть склонился вперёд и с улыбкой произнёс:

— Тогда кофе точно не стоит. Я бы не хотел лишить тебя таких... чудесных снов. Особенно если я в них участвую.

Ольга резко подняла на него глаза — и всё сразу вспыхнуло внутри. Сон, его прикосновения, жар, пузырьки шампанского, огоньки машин внизу — всё сплелось и обрушилось на неё разом. Страх, желание, гнев, растерянность. Её глаза на мгновение увлажнились, но она быстро сжала челюсти, будто удерживая всё это внутри, и с усилием сглотнула, словно подавляя что-то, что могло бы прорваться слишком явным образом.

Она сделала глоток воды, поставила стакан на место, выравнивала спину и, не поднимая взгляда, сказала:

— Слушай... Только, пожалуйста, не обижайся.

Он чуть наклонился к ней, внимательный, спокойный.

— Я подумала... Давай вернёмся к той чистоте общения, которая у нас была до встречи в Sixty. Я поймала себя на том, что не хочу прятать переписку от мужа. И в то же время... не хочу, чтобы он видел её и начал необоснованно ревновать.

Она замолчала, будто загнулась, потом с трудом добавила:

— К тому же... эти сны...

И оборвалась. Слова застряли где-то внутри, невысказанные, неловкие, лишние — но для него всё уже было сказано.

Давид смотрел на неё с лёгкой, почти неуловимой улыбкой. В его глазах читалась странная смесь — понимание, тихая грусть, и что-то тёплое, близкое к жалости или любви. Не жалости как снисхождения, а как признания — да, ты права, это сложно. Но ты всё ещё прекрасна в этом своём замешательстве.

Он молчал, давая ей время. И она вдруг почувствовала, как это молчание обволакивает, как оно не требует ответа.

— Пойдём выйдем, я бы хотел покурить, — предложил Давид, поднимая на неё спокойный, чуть тёплый взгляд.

Ольга кивнула. Они встали из-за столика, Давид положил на столик несколько банкнот, более чем достаточно, чтобы покрыть их счет, на случай, если они не вернутся обратно. Они направились к выходу, спускаясь по лестнице мимо светящихся витрин и стеклянных дверей торговых помещений. За появившимися впереди стеклянными дверями на улицу клубился обычный вечерний поток — деловые люди, курьеры, туристы, сотрудники соседних офисов. Москва-Сити жила своей привычной суетой: шум, отблески фар, спешащие силуэты, отрывки телефонных разговоров и постоянное движение.

На улице дул лёгкий ветер, в воздухе висела весенняя прохлада и слабый аромат бензина, металла и кофе. Они отошли немного от входа, туда где было чуть спокойнее. Давид достал пачку сигарет — тёмные, плотные, с характерным запахом вишни и шоколада. Она мельком бросила взгляд на сигареты и сказала:

— Можно мне тоже одну?

Он чуть приподнял бровь, удивлённый, но не сказал ни слова — только протянул ей пачку и зажег зажигалку, прикрывая её от затухания. Она наклонилась, чтобы затянуться. После того как они сделали несколько глубоких затяжек и стойкий аромат дыма с вишнево-шоколадным запахом обволок их, Давид тихо улыбнулся:

— Я не знал, что ты куришь, Оленька.

Слово прозвучало почти небрежно, но в ней что-то оборвалось. Она резко повернулась к нему, глаза вспыхнули — в них была боль, усталость и что-то невыносимо личное.

— Как ты смеешь так меня называть?! — она ударила его ладонью по плечу. — Ты не имеешь права!

Он остолбенел, не от боли — от неожиданности. Она ударила его ещё раз, сильнее, и ещё — в каждом движении была не сила, а бессилие. Слёзы выступили на глазах, но она

не дала им упасть — закрыла лицо руками и резко повернулась спиной к нему, как будто хотела спрятаться от самой себя. Сигарета дымилась между пальцами, это было почти театрально — как будто кадр из фильма, где боль не выносится словами.

Она тяжело вздохнула, медленно выпрямилась и, не оборачиваясь к нему, сделала глубокую затяжку. Молча. Ровно. Собранно. Докурила до фильтра.

Давид стоял в шаге от неё, не двигаясь. Он хотел протянуть руки, прижать, успокоить, но что-то удерживало его — не страх, не неуверенность. Понимание. Он чувствовал: сейчас не время прикасаться. Сейчас она держится из последних сил, и прикосновение может разрушить всю хрупкую конструкцию самоконтроля, которую она с таким трудом выстраивает внутри себя.

Он видел в ней борьбу — такую же, как в себе. И это приближало его к ней ещё больше.

Не оборачиваясь, она сделала несколько шагов прочь — быстро, словно убегая от самой себя. Но в этот момент он, будто очнувшись, бросился за ней, догнал и резко, почти поспешно, взял её за руку. Она вздрогнула, но не сопротивлялась. Он развернул её к себе, и в следующее мгновение их губы слились в поцелуе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.